

В БОЙ МЫ ШЛИ НЕ РАДИ СЛАВЫ, РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ —

«Во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь».

ЛЕНИН

В нашем советском календаре много славных дат, много всенародных праздников; большой день 7 ноября — память о начале начал социализма, день нашего рождения; весенний Первомай — знак всемирного рабочего братства, которое не знает границ.

Но совсем особый праздник — радостный и суровый — отмечает страна 9 мая. Это День Победы над гитлеровской Германией, жестоким и сильным врагом, светлый праздник торжества свободы, избавления от фашистского ига десятков народов, день скорби о погибших за правое дело.

Наша страна потеряла в войну 20 миллионов человек. Такого еще не бывало никогда. Вдумайтесь в эту цифру. Это не цифра, а памятник мужеству, верности, долгу.

Бессмертный подвиг Александра Матросова повторили более двухсот солдат, подвиг Николая Гастелло был повторен 74 раза.

Пусть же наше первое слово будет о тех, кто не вернулся с войны, кто отдал в этой борьбе самое большое, что мог отдать, — свою жизнь.

На Западе сейчас не очень-то принято вспоминать о разгроме фашизма. Нельзя обижать союзников — партнеров по планам и базам. Но итогов Победы не скроешь. Победа прежде всего подтвердила, что в мире нет сил, способных остановить поступательное движение социалистиче-

ского общества, нет сил, которые могли бы нарушить законы общественного развития. Любая попытка задушить социализм заранее обречена на провал. Это и есть главный итог Победы.

В годы тяжелых военных испытаний советские люди отдавали все силы делу разгрома врага. В одном строю с народом нелегкий и славный путь прошли медки.

На второй день после объявления войны, 23 июня, ушли в армию 241 врач и 158 медсестер нашего института.

На каких только фронтах и направлениях не воевали врачи и

ПРАЗДНИК МИРА

студенты 1-го Ленинградского медицинского института! На Карельском фронте работал большой отряд институтских врачей: А. В. Афанасьев, И. Е. Депп, Л. М. Георгиевская, Л. Р. Балон, С. М. Капица, Л. Н. Никольская. Десятки тысяч раненых вернули в строй хирурги В. И. Колесов, Н. В. Петров, Ф. Г. Углов, П. С. Кустов, М. Д. Моисеенко.

В годы блокады весь Ленинград стал передовой линией фронта. Клиники института превратились в огромный госпиталь. Самоотверженно работали Я. Н. Вишневецкая, П. К. Булатов, медицинские сестры С. Е. Виллер, З. Ф. Дроздова, А. И. Сухорукова, А. П. Журавлева. Силами института был оборудован госпиталь № 2011. Госпиталь возглавлял С. Я. Фрейдлин. Их очень много в нашем институте, людей, чей труд в суровую военную пору был равен подвигу.

20 АПРЕЛЯ редакция «Пульса» провела встречу с врачами 50-го выпуска, окончившими институт в июне 1941 года.

Они собрались в зале Ученого совета. В том самом, где 24 года назад подписали свои назначения... Узнают друг друга сразу. Однокашники. Выпускники грозного 41-го.

Были они студенты

Такие же, как и сейчас. Как, наверное, и через сто лет. Просто студенты. 800 человек веселых и озабоченных, трудолюбивых и безалаберных, легкомысленных и серьезных. Смеялись и пели. Увлекались хирургией. Боялись дальних «точек». Целовали девушек.

Шла сессия. Последняя, выпускная сессия.

Э. Т. Леви рассказывает: — Сидели, запершись, в комнате, зубрили «инфекции», последний экзамен. Радио, конечно, было выключено. Время от времени, захлопнув книжку, болтали — ну, о чем болтают во время сессии! — о «счастливых» билетах, об экзаменаторах. Вдруг кто-то вбегает: «Ой, девочки! Вы ничего не знаете? Война!».

Сразу пошли в институт. Война! Как же так? Завтра же экзамен! Что же будет?

А солнце светило вопреки всему. И небо синело. И над улицей Льва Толстого плавал тополиный пух.

Собрались почти все наши. У каждого что-то «недосдано»: терапия, акушерство... На завтра многим «повезло»: Ю. Ю. Джанелидзе, грозный «Джан», не стал экзаменовывать, потребовал зачетки. «Отлично» всем без исключения.

24 июня курс собрался в зале Ленина. Директор института профессор Н. И. Озерский поздравил с окончанием и тут же объявил об отмене «мирных» назначений.

Профессор Джанелидзе сказал: «Все вы успешно сдали государственные экзамены, друзья. Но помните, самый трудный и страшный экзамен у вас впереди!». Посуровели лица. Зал Ленина, такой знакомый по милой и бесполой суете студенческих вечеров, притих настороженно.

На всю жизнь запомнили многие напутственные слова профессора-хирурга В. А. Шаака: «Выше головы, товарищи! Фашизм будет разгромлен! Это говорю вам я, старый честный немец».

А рядом, в 1-й аудитории, напех выдавали дипломы... Ребята ушли на фронт уже через день. Девушки завидовали, но напрасно: им тоже недолго осталось ждать.

Имена, имена, имена. Номера полков и дивизий...

И З. Я. Дегтярева, прошедшая славный путь со 124-й и 98-й танковыми бригадами, и Е. В. Нецаева, которая с армией прорыва вышла победной весной к Одеру, и И. М. Петропавловская, для которой война кончилась лишь в

1 ЛМИ до конца выполнил свой долг перед Родиной.

С первых дней войны Коммунистическая партия была организатором беспримерных подвигов советских людей на фронте и в тылу. Подвиг советского народа в Великую Отечественную войну — это свидетельство высочайшего патриотизма, политической сознательности масс, их преданности делу социализма и мира. Чтобы строить, чтобы с каждым днем краше становилась жизнь, нужен мир. Твердо и последовательно проводят миролюбивую ленинскую политику Коммунистическая партия и Советское правительство.

Пусть же из года в год праздник Победы для наших друзей будет символом счастья и свободы. Пусть будет он уроком истории для наших врагов.

Знамя Победы в надежных руках. С праздником Победы, товарищи!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пульс

Орган парткома, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома 1-го Ленинградского медицинского института имени акад. И. П. Павлова

№ 16 (1180)

Пятница, 7 мая 1965 г.

Год издания 37-й
Цена 1 коп.

50-й ФРОНТОВОЙ

Военными дорогами

Профессор Джанелидзе был прав. Самый трудный экзамен держали вчерашние студенты. Держали без подсказок.

Тяжкие дни отступления, когда солнце казалось черным: тоска застила глаза. Тонули в болотах, пробивались из окружения, проводили недели без хлеба и курева. Гибель товарищей. Кровь. Горе. Слезы матерей. Дети-сироты. Родной Ленинград в блокаде. Дымящаяся растерзанная земля... Выдержали студенты! И пришли к победе. Не все. И разными дорогами.

В добровольную дивизию ушел весельчак и насмешник Валентин Данскер. Врач батальона на «пятчке» у Невской Дубровки, хирург медсанбата.

Б. А. Микутская взволнованно вспоминает «свой» 6-й район авиабазирования. Отсюда немудреные по нынешним временам «дугласы» по 8—10 раз в сутки летали за линию фронта. Вывозили раненых, доставляли продовольствие в Ленинград.

Позднее, когда была сформирована 1-я Польская дивизия им. Тадеуша Костюшки, военврач Микутская была нач.-саном артполка. В 1945 г. полк вышел на Эльбу.

И. Н. Ямщикова, любимца курса, стала бойцом разведотряда. Рейды по тылам противника. Взорванные мосты, захваченные «языки»...

Всем было трудно. Но, наверное, труднее других пришлось Б. С. Ярошешкой и З. М. Кривоному. Первые свои шаги сделали они в рядах народного ополчения. Рабочие, врачи, профессора, и, конечно, студенты — все, кого не взяли в кадровые войска, составили эти железные дивизии, сражавшиеся с беззаветной храбростью...

Имена, имена, имена. Номера полков и дивизий...

И З. Я. Дегтярева, прошедшая славный путь со 124-й и 98-й танковыми бригадами, и Е. В. Нецаева, которая с армией прорыва вышла победной весной к Одеру, и И. М. Петропавловская, для которой война кончилась лишь в

сентябре на Дальнем Востоке...

Имена, имена, имена... А сколько имен из списка курса вычеркнула смерть!

Павшие

Гальяр Всеволод Владимирович. Он шел по Ладожскому льду в составе отдельного лыжного батальона моряков-партизцев и погиб у Бугровского маяка.

Шнейдерман Вениамин Соломонович. Оперировал раненых на о. Эзель. Убит у операционного стола.

Под Пушкином, в блиндаже смерть настигла Ирину Юковскую.

В Лебяжьем похоронен военврач Тимофеев.

У села Троицкого, что за Лугой, убила Ольга Леонтьева.

Люба Берендукова. Веселая певунья. Тело ее опознала однокурсница в братской могиле, одной из многих оставшихся после «ликвидации» концлагеря в Финляндии. Оpozнала по именным золотым часам, врученным за успешное окончание института. Как попала она в плен — неизвестно. Друзья знают только, что вела себя героически, участвовала в подпольной группе сопротивления. И когда пробил ее смертный час, не шурясь, глядела в бездонный зрачок автоматного дула.

Юноши и девушки в белых халатах, не занятых ничем, кроме вашей чистой крови, вечная слава вам!

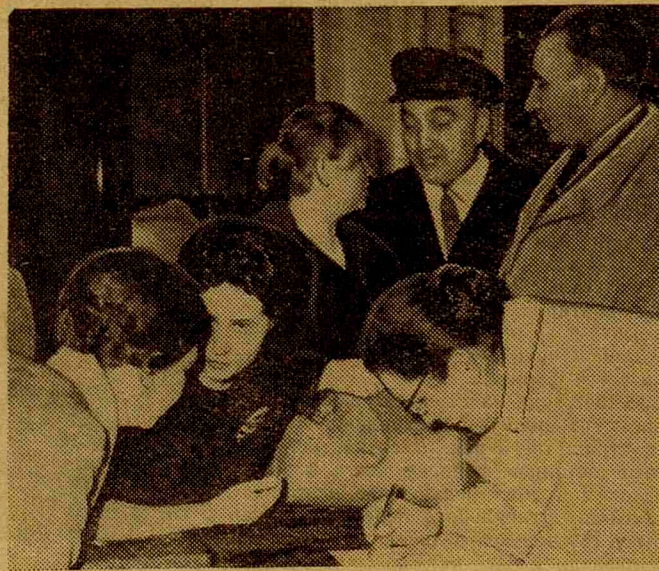
Мы никогда вас не забудем!

ВСТРЕЧА с выпускниками

41 года подходит к концу.

Сейчас они выйдут на весеннюю улицу, пожмут руки друг другу и разойдутся — каждый в свою мирную жизнь. Врачи — солдаты, ветераны самой страшной в истории войны. Поглядим им вслед, задумаемся над их простыми и честными судьбами, судьбами людей, мужеством своим отстоявших для нас право жить и дышать, смеяться и ходить по нашей земле.

Ю. ВОЛГИН

Участники встречи, врачи 50-го фронтового выпуска.

1945

ИМЯ ГЕРОЯ — НАРОД

1965

РАССКАЗАТЬ об институте в дни блокады... Как выбрать из обилия впечатлений и фактов самое значительное? Память сохранила все. Леденящий душу визг падающих бомб и гудкие разрывы снарядов, 125-граммовый паек хлеба и замерзающие от холода фигуры людей. Тяжкие дни эвакуации и гибели товарищей...

НАШ институт, обозначенный на картах противника как «объект 89», жил, работал, помогал, как мог, любимому городу. Работал — это значит в аудиториях шли занятия, в поликлинике принимали больных, в клиниках лечили, делали операции, вели научную работу. Казалось бы, буднично и просто. Но все было не так.

В начале декабря 1941 года у ворот на улице Льва Толстого была разбита снарядом большая водная магистраль, в середине декабря перестало работать паровое отопление, исчез электрический ток, замерз водопровод. Печи были лишь в немногих, главным образом, учебных корпусах.

Госпитальная хирургическая клиника, весь терапевтический корпус, здание поликлиники остались без отопления. А везде лежали больные, раненые бойцы и жители города, голодные и истощенные.

В ПОЛИКЛИНИКЕ мы вели прием в промерзших кабинетах. Помню, рядом со мной работали В. В. Рогачевская, Я. О. Зенкевич, главврачом поликлиники был А. И. Науменко. Истории болезни, больничные листы, рецепты мы писали карандашом — чернила замерзали. Работали в перчатках и варежках, вели прием в валенках и пальто, а принимали в день по 80—100 больных.

С тобой одна судьба, Отчизна!

22 июня. Война. Это слово, как удар, прошло через сердца миллионов людей. Вставай, страна огромная... В военкоматы не пробиться. Все, кто мог носить оружие, встали на защиту Родины.

Две недели войны. И уже 14 дней, как ассистент госпитальной хирургической клиники А. Л. Стуккей надел шинель. Псков, Волхов, Тихвин. Передислокация. Автобус мчится по дороге. Сильно трясет. Александр Львович уступает место медицинской сестре, а сам пересаживается на ее место... В тот же миг на дорогу обрушился рев мотора. Пулеметная очередь рассекала автобус. Стуккей упал. На предельной скорости автобус добирается до Колчановского госпиталя. Начальник его — Александр Александрович Вишневецкий. Повезло. Вишневецкий блестяще сделал под своей, местной, анестезией тяжелую операцию. Но у врачей всегда не как у всех: начались послеоперационные осложнения.

В Кировске, куда Стуккей был эвакуирован, ему вручили заклю-

чение комиссии: «Годен к службе в условиях тыла». Профессор Ю. Ю. Джанелидзе звал старшим ассистентом в Морскую академию. Стуккей решил иначе. Листок, который давал право на спокойную работу в тылу, выдан из документа. И снова госпиталь. Снова Стуккей сутками не отходит от операционного стола...

...Телефонный звонок поначалу не сулил ничего необычного.

— Александр Львович? Как ваше здоровье?

— Отлично!

— Мы хотим предложить вам секретное задание...

— Какое? Куда?

Потом узнал — в партизанский отряд. Главным хирургом соединения. Согласился без колебаний. 30 дней спецподготовки. Липецк. Аэродром. Четыре прыжка. Два автоматических (парашют раскрывается сам), два затяжных.

ИНСТИТУТ-ВОИН

Людям было трудно ходить: часть врачей перевели только на выполнение квартирных вызовов. Выполняли по 20—30 вызовов, а ведь врачи нередко были не менее истощены, чем их больные. Большой процент врачей в 31-й поликлинике составляли студенты старшего курса. В декабре и начале января они сдавали сессию за IV курс, с конца февраля начали, продолжая работать, заниматься на V курсе. И как заниматься!

К ЗИМЕ 1942/43 года все клиники перевели в здания с печным отоплением. Врачи вели по 30—40 коек, дежурили 7—8 раз в месяц, сами выполняли необходимые анализы: лаборантов почти не было, и все участвовали в заготовках дров, уборках клиник, а в дальнейшем — в восста-

новлении института.

В эту зиму в клиниках было еще холодно, работали в ватниках и, несмотря на все трудности (дома было не лучше), изучали особенности заболеваний этого периода. Изучали не ради «чистой науки», а для того, чтобы лучше и быстрее лечить. Учились распознавать и лечить пневмонию у больных алиментарной дистрофией, проверяли эффективность белковых препаратов, созданных химиками из местных, не пищевых веществ, изучали действие лекарственных препаратов, изготовленных из растений, выращенных в Ботаническом саду.

А хирург? После обстрелов они по двое суток не выходили из операционной. Закончив обработку раненых, шли на консультации в другие клиники. Иногда хирург приходил вечером или ночью и, так как палаты не имели затемнения, смотрел больного при свете фонаря «летучая мышь», а дежурный персонал стоял вокруг и халатами прикрывал этот свет, чтобы он не попал в окна.

ОДНОВРЕМЕННО шли и занятия. В 1943/44 учебном

году у нас в клинике занимались 5 или 6 групп, зато в следующем году на курсе уже было 12 групп.

А война еще была рядом. В 11-м корпусе выводить больных было некуда. Во время бомбежек и обстрелов персонал мог только ходить по палатам и успокаивать больных. Были среди сотрудников и студентов раненые, были и убитые, немало наших товарищей погибло в блокадную зиму.

Было трудно. Наша работа, пусть маленькая, незаметная, все же была борьбой с врагом. Восстановить трудоспособность рабочему, принесенному к нам на носилках, вернуть детям мать, бойцу, сражавшемуся на фронте, его родных, не потерять самим человеческого достоинства — в этом был смысл нашей жизни, наш вклад в общенародное дело победы. И сегодня мы говорим: нельзя забыть наших погибших товарищей, нельзя забыть штабеля трупов у прозекторской, вой бомб и свист снарядов над нашими домами! Это никогда не должно повториться!

Доцент В. СТАВСКАЯ

Мотор ревет. Под крылом южные районы Белоруссии. Бросился вниз. Парашют рвануло.

Партизанское соединение встретило хирурга затишьем. Стуккей сгоряча возмутился: «Я прилетел сюда работать и воевать». Успокоили — будет работа.

Начался изнурительный рейд по Пинским болотам. До Ровно шли 300 километров. Тут-то и начались бои. Когда первый раненый со сквозным ранением живота выжил, со всего соединения приходили партизаны... Жив! А вечером у землянки хирурга Стуккея остановился конь командира соединения. Генерал В. Берма спросил: «Доктор, мы перед вами виноваты, что вам нужно?»

На другой день у хирурга Стуккея появились верховая лошадь, ездовая. Работать стало легче. 200 дней Александр Львович провел в седле.

Это был, пожалуй, самый напряженный период в военной биографии врача. Пинские болота, бои, отходы, снова бои. А у хирурга — десятки операций — ночью, днем, вечером, при керосиновой лампе и солнечном свете. Медчасть партизанских соединений Ровенской области работала с полной отдачей сил. У главного хирурга было уже 16 врачей.

Немцы и бендеровцы наседали. Соединения, изматывая противника, маневрировали, вступали в бой.

Наш фронт подошел к самому Ровно. Нужно было переправить группу тяжелораненых, нуждающихся в немедленной госпитализации. Майор Стуккей принимает решение — перебросить раненых через фронт. Трое саней. Снег, бешеная скачка, пулеметные очереди и счастливый финал — все раненые доставлены в госпиталь. Снова сани мчатся через линию

фронта, назад, в партизанский край.

После этого смелого перехода на гимнастерке майора Стуккея появился еще один орден: боевого Красного Знамени.

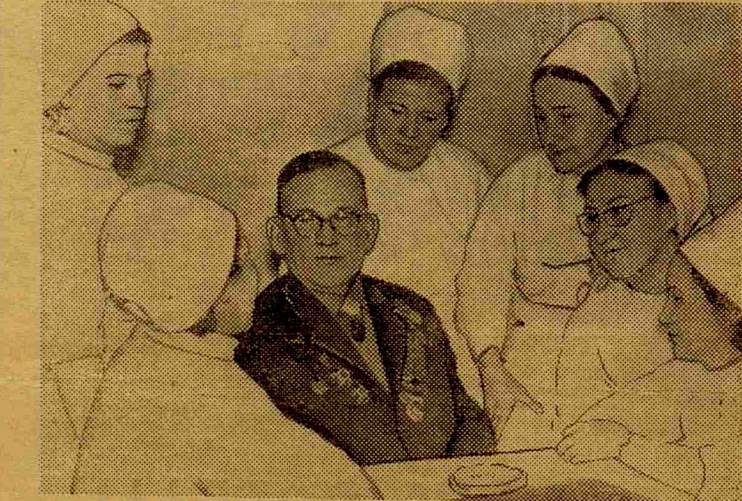
Затем 3-й Белорусский фронт. Штурм Кенигсберга... И вот уже теплушки бегут на Восток. Где-то у Свердловска радостное слово «Победа!» нагнало эшелон. Осенью 45-го хирург Стуккей снял погоны.

...Когда мы беседовали с Александром Львовичем, позвонили по телефону. Комитет ветеранов Ладужской флотилии приглашал его 6 мая на вечер встречи.

— Обязательно приду, — сказал А. Л. Стуккей, — нельзя забыть эти годы.

... И снова память листает жаркие страницы грозных, не зря прожитых лет.

В. ЗАГРЕБА

Талантливый хирург Николай Варфоломеевич Петров не любит вспоминать о войне. Но как удержаться в эти дни, когда каждая радиопередача, каждая газетная полоса бережет память.

А вспомнить Николаю Варфоломеевичу есть что. Он был в Отечественную войну главным хирургом эскадры, главным хирургом Балтийского флота. Легко представить себе масштабы работы доцента Петрова в годы войны. Он участвовал (считая операции и консультации) в лечении 12.000 раненых.

Николай Варфоломеевич рассказывает: главной чертой наших медиков была необычайная самоотверженность. Помощь оказывали в любых условиях. На Неве стоял крейсер «Киров». Немцы устроили ряд налетов специально с целью уничтожить его. В «Киров» попало три бомбы, огонь подобрался к порохам погребам. На «Кирове» было ранено 180 человек. Немедленно подъехали 20 машин скорой помощи, и медики тут же, рядом с огнем, начали оказывать помощь.

Вот только один эпизод...

На снимке: Н. В. Петров среди сотрудников кафедры общей хирургии.

Вот только один эпизод...

На снимке: Н. В. Петров среди сотрудников кафедры общей хирургии.

Вот только один эпизод...

На снимке: Н. В. Петров среди сотрудников кафедры общей хирургии.

К 20-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Торжественный вечер 1 ЛМИ, посвященный 20-летию великой победы советского народа над фашистской Германией, состоится 11 мая в 18 час. 30 мин. в матросском клубе (пл. Труда, 5).

Редактор В. АРОНСОН

М-42237 Заказ № 710
Типография им. Володарского
Лениздата, Ленинград,
Фонатка, 57.

Нам дороги эти

позабыть нельзя

ДЕПП Инна Евгеньевна, ассистент

ТРИ ГОДА войны я провела на Карельском фронте.

Некоторые наши госпитали подвергались почти ежедневной бомбардировке. Бомбы ложились буквально около госпиталя, вылетали все стекла. Врачи, молодые сестры и дружинницы, в большинстве почти девочки, бледнели от страха, но не отходили от раненых.

Врачи и сестры работали в невероятно трудных условиях, дежурили через сутки, а в так называемые свободные сутки проводили эвакуацию и прием раненых. У них почти не оставалось времени для сна.

Несмотря на все трудности, нигде и никогда я не встречала такого подъема, ежедневного героизма, такой дружбы и сплоченности, как на войне. Все были объаты одним желанием — победить! Поистине война «подняла на гребень, как могучую непреборимую силу все самое прекрасное, что было воспитано в советском человеке».

ГЕОРГИЕВСКАЯ Лидия Матвеевна, профессор

ЭТОГО не забыть. Даже сейчас, когда минуло два десятилетия, помню многое до деталей. Июль. Карельский фронт. Эвакогоспиталь. Первые три суток никто не спал: сортировали раненых...

Потом 14-я армия. Я — армейский терапевт. День и ночь под колесами «эмки» — дороги всего фронта...

В мае 1942 года наши части передислоцировались, готовились к наступлению. Разыгрался страшный буря. Десятки машин с войсками остались в плену снега и льда. 240 часов я и двое фельдшеров непрерывно работали. От сильного перепада температуры у 150 человек развился бронхиолит. Когда последний боец оказался вне опасности, не верилось, что можно, наконец, выспаться. А потом снова дороги...

Минуло 20 лет. Раны зажили. Память нет...

ЛУНИНА Зоя Ивановна, медсестра

24 ГОДА прошло с тех пор, как в июне 41-го я надела шинель. Все, что выпало в эту войну на долю ленинградцев, пережила сполна. Было все — кровь и слезы, черные ночи и голод. Не было страха. Не было отчаяния. Против них у ленинградцев был заслон — мужество, стойкость духа, сознание своей правоты.

Каждый был занят своим делом. В нашем госпитале ни на минуту не прекращалась битва за жизнь. Помню молодого парня, 18 лет, пораженного столбняком. 72 часа я не отходила от него, пока не убедилась — будет жить!.. Сколько людей мы вернули к жизни. И каким же это было счастьем...

Сейчас, в дни, когда народ наш отмечает свою Великую Победу, хочу сказать: никогда наши дети не должны слышать грома боевых залпов и видеть зарева военных пожаров.

Человек рождается, чтобы жить. Пусть земля всегда будет для него спокойным мирным домом. Ради этого мы воевали.

